

**Региональная научная конференция
«Проблемы сохранения историко-культурной памяти
о Великой Отечественной войне»**

УДК 94

Ю.С. ОЛЕЙНИКОВА

(oleinikovavulia1908@mail.ru)

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ)

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ УСТНОГО ИСТОЧНИКА***

Анализируется изучение региональных особенностей истории России через призму устной истории, выявление региональных особенностей России в ВОВ на примере Ростовской области, путём отражения их сущности и последствий на примере анализа интервью ребенка войны Е.Т. Алимовой. Раскрывается значение «устной истории», в региональном ключе воспитания и формирования исторической памяти современного молодого поколения.

Ключевые слова: устная история, Великая Отечественная война, интервью, респондент, устный исторический источник, региональные особенности.

Изучение региональных особенностей истории России через призму устной истории играет значительную роль в современной исторической науке. Устная история инкорпорирует историю в общество, усиливает взаимоотношения и, как следствие, взаимопонимание между поколениями и между социальными классами, бросает вызов устоявшимся мифам, незыблемости суждений, укоренившихся в науке, создаёт ощущение принадлежности человека к определённой месту и времени. Современные подходы к науке в целом требуют от ее деятелей, в частности и от историков, обращаться непосредственно к человеку в процессе обоснования той или иной гипотезы. Сегодня в этом направлении действует и история – ее новый метод историческая антропология за 20 лет его активного использования в России сумел в некотором смысле поменять некоторые штампы исторического сознания.

Устная история – это научная дисциплина, один из актуальных методов изучения истории в XX–XXI вв. По мнению Т.К. Щегловой, «Устный источник был первым источником, нашедшем применение в исследовательской практике» [1, с. 34].

Основной отличительной чертой устного исторического источника является свидетельства участников и современников о событии. Также отличие устной истории заключается в том, что данная дисциплина имеет собственный путь развития (исследование прошлого и проникновение в него путём воспоминаний). «...особенностью устной истории является изучение не только людей того или иного исторического времени, но и – вместе с ними – самого этого исторического времени, что позволяет видеть прошлое совершенно по-новому: не так, как оно интерпретируется в официальных изданиях, схематично излагается в учебных пособиях или оценивается политиками, или идеологами. В определенном смысле устная история не столько вооружена конкретными фактологическими (событийными) знаниями об обществе, сообществе, сколько формирует иное восприятие исторической действительности, дает иные способы оценок прошлого» [Там же, с. 37].

В настоящее время довольно актуальными темами для исследования историков стали сюжеты, ранее подвергавшиеся не такому широкому осмыслению в исторической литературе, а именно темы детства в военные годы, роли женщин и детей в подпольном движении, повседневность семей, находящихся в тылу, будни людей на оккупированной территории и др. Так, при проведении интервью с респондентами категории «дети войны» необходимо учитывать ряд особенностей. Необходимо

* Работа выполнена под руководством Агеевой В.А. кандидата исторических наук, доцента кафедры истории ТИ им. А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ),

помнить, что «дети войны» – последнее поколение очевидцев и участников рассматриваемого события и при подготовке к интервью нужно предупредить респондента о том, какие будут вопросы (т. к. это поколение людей сейчас достаточно возрастное и иногда нужно время для реконструкции в памяти какого-либо промежутка времени, – *прим. Ю. О.*). Так же необходимость в общении перед интервью с респондентом заключается ещё в том, что необходимо уточнить «личные границы» человека, т. е. рамки, за которые нельзя выходить в ходе интервью, т. к. страшные воспоминания о ВОВ ещё живы в памяти респондентов, и не каждый готов ими делиться. Необходимо учитывать возможное искажение фактов (дат, имен, хронологической последовательности). Не смотря на все эти сложности, сведения, полученные методом опроса, могут стать отправной точкой для изучения тех лакун исторических событий о ВОВ, которые были по тем или иным причинам исследованы слабо или совсем не разрабатывались.

Интервью с нашим респондентом проходило в свободной форме, основная тема была определена предварительно – события военных лет. Поведанные респондентом устные истории о жизни в годы Великой Отечественной войны позволили реконструировать военную повседневность детей, с одной стороны, и проследить каналы формирования патриотического воспитания, отношения к врагу, переплетение индивидуальной и коллективной памяти о событии – с другой.

В беседе респондент проявляла инициативу в определении направления разговора, в попытках определить основной смысл событий, была свободна интерпретации мотивов поведения находившихся вокруг людей в тяжёлые военные года. Вероятно, оценочные суждения подобного рода присущи людям, занимающимся деятельностью в сфере образования, т. к. посредством своего широкого кругозора и обширного жизненного опыта, она объективно анализирует происходившие события.

Евгения Тимофеевна, на момент начала войны и по сей день, проживающая в селе Заветное, Заветинского района, Ростовской области, попыталась нам рассказать о всех тяготах, которые испытывала сама и как ей думается, испытывали и все дети во время тех трагических событий. Наше интервью началось с вопросов общего характера:

Сколько вам было лет на период начала войны?

– Мне было семь лет, когда началась война. – Отвечала Евгения Тимофеевна. – Мы жили в центре, в землянке, а там рядом располагался радиоузел, и мы были в курсе всех событий. Было жутко... Особенно, когда отца забирали на фронт. Когда объявили войну, видели, что мама плакала, говорила, что война – это страшно. В семье нас было пятеро человек: мама, папа, бабушка, брат и я.

Когда Евгения Тимофеевна рассказывает о проводах на войну своего отца, она будто бы выделяет вклад села, в котором проживала её семья, в борьбу с фашистскими захватчиками.

Далее были затронуты вопросы, касающиеся военных действий, затронувших территорию села Заветное, один из вопросов звучал так:

– Затронули ли военные действия местность, где вы проживали?

– Да, затронули. Однажды слышим рокот самолёта, но не военного, а «кукурузника», по нему начали стрелять, но не сбили, а самолёт сбросил листовки. А брату было двенадцать, и родители нас, конечно, никуда не пускали, но его разве удержишь. Он прибегает, красный весь, оказывается, румын ему подзатыльник дал за то, что он схватил листовки. Две румын у него забрал, а одну брату удалось спрятать в рукав и принести домой. В этих листовках были призывы: «Дорогие граждане, помогайте кто чем может армии, мы вас освободим, мы скоро придём. Смерть немецким оккупантам!». Но люди говорят, что лётчик ошибся местом и должен был сбросить листовки в Калмыкии. А бабушка сидит и говорит: «Родненькие, куда там нам». Теперь я понимаю, немцы, вооружённые до зубов были, а наши, не секрет, одна винтовка на десятерых солдат.

Несмотря на советскую пропаганду, которая продолжала изображать на агитационных плакатах полный разгром вермахта «На первых плакатах Гитлер и другие нацистские руководители выглядели скорее беспомощными и почти побеждёнными, чем угрожавшими» [2, с. 110–128], попытки были недостаточно эффективны и данный факт довольно объективно оценивали не только отдельно взятые граждане (например, политработники, которым приходил приказ активно участвовать в процессе агитации), но и в целом, люди, находившиеся на оккупированной территории и воочию наблюдавшие за происходящими действиями.

ми. Особенно советская пропаганда начала сдавать позиции, когда агитации достигли следующего уровня «печатать побольше документов о зверствах, о политике реставрации капитализма и помещичьей кабалы, проводимой немцами, об оскорблении немцами русского национального достоинства» [2, с. 110–128]. Однако в то же время, в повествовании респондента о сброшенных листовках, прослеживается луч надежды на положительный исход событий, что является довольно противоречивым моментом.

Продолжая свой рассказ о военных действиях, происходивших на территории села, Евгения Тимофеевна говорила о следующих локальных воспоминаниях:

– Проснувшись утром, мы видим такую картину: на мосту столпотворение, немцы на машинах – им нужно было на Торговое через мост ехать, и какая-то возня. Послышались одиночные винтовочные выстрелы, потом автоматные очереди. Мама нас схватила и к соседке в погреб спрятала. Там нас было три семьи. Слышны были и автоматные очереди и, видно, зенитки били, а когда проходили танки, хозяин этого погреба и говорит: «Вот проедет танк по нашей погребке, и будет у нас живая могила». Эта перестрелка длилась несколько часов, а потом наставала тишина. Мы узнали, что пришли наши. Зашли в землянку, и немного погодя заскакивают к нам четверо красноармейцев в шинелях и попросили покушать. Мама дала им что было. Они, даже не присев, быстро поели и двинулись дальше.

Спустя года, респондент относительно спокойно рассказывает о происходивших военных действиях на территории села. Скорее всего, сказался детский возраст Евгении Тимофеевны, именно на момент начала войны она, вероятно, не до конца осознавало всю опасность и не полностью понимала переживаний взрослых, окружавших её. Конечно, с увеличением оборотов военных действий, даже будучи ребёнком она начинала понимать всю боль в глазах взрослых людей. Вспоминая об известии о наступлении победы, она выражается следующим образом:

Взрослые заплакали, мы стали обниматься. Мы хоть и маленькие были, но знали, что война – это страшное зло. Трудно пришлось. И голод, и холод пережили.

Детям войны в тылу приходилось нелегко. Так как основная опора – мужчины ушли на фронт, им приходилось принимать участие в сельскохозяйственных работах, работать на стройках, в колхозах, во времена голода добывать еду. Все эти факторы наложили огромный отпечаток на жизнь нашего респондента: она с детства приобрела проблемы со здоровьем, тем не менее эти события, ужасным образом, закалили её характер, что в последствии сыграло немало важную роль в её жизни.

Если попытаться проанализировать именно самые яркие воспоминания Евгении Тимофеевны о войне, то можно уместить их в одну, трогательную фразу респондента по этому поводу, которая звучит так: «До сих пор у меня стоит в голове эта картина: все женщины плачут, и на фоне этого гула играет гармонь...».

Таким образом, стоит отметить, что проведение интервьюирования с категорией респондентов – «ребенок войны», в нашем случае, связано с тем, что именно эта группа является последним поколением, заставшим нелегкое военное время в воочию. Их память своего рода антропология времени, ответ на многие даже, социологические вопросы ментальности советского народа. Основные сюжетные линии нашего интервью имеют локальный характер и предоставляют возможность произвести реконструкцию повседневной жизни информанта, его семьи в годы войны.

Великая Отечественная война наложила неизгладимый отпечаток на будущее «детей войны». Преодоление последствий военных действий станет значительной проблемой в дальнейшей жизни детей: нанесены тяжёлые психологические травмы, не все смогут получить образование и всю жизнь будут тяжело работать, но стоит отметить, что, не взирая на все трудности войны все дети советского тыла говорят о взаимопомощи и взаимоподдержке.

В дальнейшем для большинства «детей войны» их детство, прошедшее под эгидой военных действий, станет ключевым моментом всей жизни. Безусловно, отношение к Великой Отечественной войне начало своё формирование под покровительством литературы, кинообразов и СМИ. В результате чего, культурная память о таком масштабном и одновременно ужасающем событии, как ВОВ в некотором смысле, «наслаивалась на индивидуальный опыт детей в условиях советского тыла или немецкой оккупации» [2, с. 110–128] и образовывала некий синтез уже неотделимых друг от друга воспоминаний.

Литература

1. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945) // Немцы и другие: образы противников в массовом сознании советского общества в 1941–1945 гг. Изд-во ЮНЦ РАН. 2013. С. 110–128.
2. Щеглова Т.К. Устная история: Oral history. Барнаул: АлтГПА, 2011.

YULIYA OLEYNIKOVA

Taganrog Institute named after A.P. Chehov (branch of) Rostov State University of Economics

REGIONAL PECULIARITIES OF HISTORY OF RUSSIA BASED ON THE STUDY AND INTERPRETATION OF THE ORAL SOURCE

The article deals with the analysis of the study of the regional peculiarities of the History of Russia from the perspective of the oral history and the revealing of the regional peculiarities of Russia in the Great Patriotic War at the example of the Rostov district by reflecting their essence and consequences at the example of the analysis of the interview of the war of baby E.T. Alimova. There is disclosed the meaning of the “oral history” in the regional key of education and the development of the historical memory of the modern young generation.

Key words: *oral history, the Great Patriotic War, interview, respondent, oral historical source, regional peculiarities.*